

БУДАГОВ Р. А.

А. А. ПОТЕБНЯ КАК ЯЗЫКОВЕД-МЫСЛИТЕЛЬ

(К 150-летию со дня рождения)*

1

Название этой статьи я заимствую у Д. Н. Овсяннико-Куликовского, который через два года после смерти А. А. Потебни опубликовал о нем статью, имевшую такой же заголовок. Статья появилась в журнале «Киевская старина» [1], и, несмотря на большую более позднюю литературу о Потебне, эта статья до сих пор остается едва ли не лучшим исследованием творчества великого русского и украинского филолога. Уже в названии публикации Овсяннико-Куликовского («языковед-мыслитель») хорошо был определен пафос всего творчества Потебни. Он действительно был «языковедом-мыслителем»¹.

Оценка наследия А. А. Потебни осложняется, однако, тем, что при наличии множества замечательных идей и глубоких суждений эти идеи и суждения иногда оказываются у него непоследовательно выраженными, противоречиво изложенными. В результате «своим» Потебню считали и представители из группы «Общества по изучению поэтического языка» в начале двадцатых годов нашего столетия, и представители социальной лингвистики тридцатых-сороковых годов, и Андрей Белый, видевший в Потебне предтечу русских символистов, и многие другие, имевшие весьма различные философские и филологические взгляды. К сожалению, в советском языкознании 60—80-х годов Потебню стали вспоминать все реже и реже: слишком плохо согласовывалась яркая, глубоко семантическая концепция языка у Потебни с формалистически истолкованной структурой языка. В наиболее популярном и подробном вузовском учебнике А. А. Реформатского «Введение в языковедение», учебнике, который выдержал много изданий, имя А. А. Потебни в рекомендуемой основной литературе не фигурирует.

Между тем творчеством Потебни интересовались многие выдающиеся писатели и филологи. В 1912 г. М. Горький писал В. И. Харциеву: «Примите искреннюю мою благодарность за драгоценную книгу Потебни (речь идет о книге Потебни „Мысль и язык“, присланной писателю. — Б. Р.). Вы и представить себе не можете, как я обрадован, как тронут Вашей любезностью! Я искал эту книгу четыре года...» [3]. «Потебня, — считал Ю. Н. Тынянов, — имя огромного значения как в области лингвистики, так и в области теории литературы» [4].

Об этом же писали и многие другие известные филологи. Ранее уже упомянутый Д. Н. Овсяннико-Куликовский вспоминал, как книги и лекции Потебни «открыли ему новый мир» [5], а В. И. Харциев, обобщая работы Потебни, называл их «историей русской мысли под освещением русского слова» [6, с. 18]. На это же обращал внимание А. Л. Погодин: стремясь резюмировать смысл исследований Потебни, он утверждал, что

* Эта статья — глава из подготовленной к печати книги автора — «Портреты отечественных и зарубежных лингвистов».

¹ Показательно, что и другой ученик и последователь Потебни В. И. Харциев, излагая содержание посмертно опубликованного третьего тома основного исследования Потебни (Из записок по русской грамматике), назвал свой обзор так: «Новый труд по истории языка и мысли А. А. Потебни» [2]. Весьма характерно и справедливо: «по истории языка и мысли».

они посвящены отношениям «между мыслью и словом» [7]. Высокую оценку разысканиям Потебни неоднократно давал и В. В. Виноградов [8]. В последующих строках я попытаюсь осветить вопрос о том, как Потебня исследовал взаимоотношения между языком и мышлением, между словом и понятием, или, как он сам любил говорить и писать, между языком и мыслью.

2.

Александр Афанасьевич Потебня (1835—1891) прожил 56 лет и был профессором Харьковского университета. Диапазон его интересов был весьма широким: помимо лингвистики, он занимался историей литературы, фольклором, поэтикой, этнографией, историей культуры в самом широком смысле. «Нельзя сказать, — писал Потебня, — какого рода знания ~~не~~ нужны при объяснении состава, действия и происхождения поэтического произведения... Художественное произведение, как и человек, есть микрокосм» [9, с. 110]. Так же широко понимал ученый и подготовку лингвистов. Сама постановка вопроса типична для Потебни: ненужных знаний ~~не~~ может быть. Ученый размышляет по способу «от противоположного»: не «все нужно» (слишком категорично и практически невыполнимо), а «все знания могут оказаться полезными» филологу, который не боится размышлять над сложными вопросами о природе языка и его развитии, о его функциях, национальных и интернациональных особенностях. Потебня был убежден, что история языка невозможна без истории литературы, точно так же, как и история литературы невозможна без учета состояния и особенностей языка [10, с. 169; в дальнейшем — «Мысль»]. Так выступает перед нами ученый-филолог.

А. А. Потебня успел написать много. Однако при его жизни была опубликована лишь небольшая часть его исследований. В 1862 г. двадцатисемилетний автор выступил с книгой «Мысль и язык», а в 1874 — с двумя первыми томами основного своего сочинения — «Из записок по русской грамматике». Третий том этого же исследования увидел свет лишь в 1899 году, а две части четвертого тома стали достоянием читателей только в советское время (1941 и 1977 гг.). Такова же была судьба и литературоведческих работ Потебни: они стали известными лишь после кончины их автора (см., в частности, «Из записок по теории словесности», «Эстетика и поэтика» [11]). Излагая лингвистическую концепцию автора, я буду опираться прежде всего на его основную капитальную четырехтомную монографию — «Из записок по русской грамматике»².

Обычно считается, что свои теоретические взгляды А. А. Потебня изложил в книге «Мысль и язык», тогда как в книге «Из записок по русской грамматике» он лишь иллюстрировал эти взгляды на конкретном материале русского и других индоевропейских языков. Но это не так, или, во всяком случае, не совсем так. Читателей здесь вводят в заблуждение названия обеих книг: весьма общее название первой книги и предельно скромное наименование второй книги (всего лишь «Из записок», где уж там теория!). Между тем именно эти «записки» являются исследованием остро теоретическим, смелым и во многом новаторским. Сила Потебни обнаруживается в том, что теория языка здесь вырастает из самого анализа материала и на него опирается. У Потебни нет теории самой по себе и материала самого по себе, а есть е д и н с т в о теории и языкового материала, теории, как бы вырастающей из самого материала и им же обусловленной.

² В дальнейшем цифры в скобках — ссылки на «Из записок по русской грамматике», изд. 2 (первые два тома в одной книге — Харьков, 1888; третий том — 1899 г., указываются том и страница), четвертый том (в двух частях; М. — Л., 1941) — приводятся том, часть и страница. Имеются еще следующие издания: «Из записок по русской грамматике» (М., 1958) и первый выпуск четвертого тома: он появился только в наши дни (Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 4, вып. 1. М., 1985; второй выпуск четвертого тома вышел раньше первого — в 1977 г.). О литературоведческих работах Потебни см. статью А. П. Чудакова [12] и отличную книгу О. П. Преснякова [13]. Изучением наследия Потебни занимается Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР в Киеве.

Все это весьма важно для лингвистики, особенно для лингвистики нашего времени, которая располагает немалым количеством либо «чистых теоретиков», либо «чистых практиков». От Потебни же русская, а затем и советская филология в лице лучших своих представителей восприняла эту тенденцию — тенденцию к единству теории и практики, практики и теории. Что же касается двух основных лингвистических книг Потебни, то надо помнить и о другом: «Мысль и язык», ранняя работа автора, еще не вполне самостоятельная, тогда как «Из записок» — глубоко продуманное исследование зрелого автора.

Хотя по своим философским убеждениям А. А. Потебня был идеалистом, но идеалистом-диалектиком, глубоко понимавшим диалектическую природу языка. Позволю себе провести здесь такое сравнение. Подобно тому, как классики марксизма относились к Гегелю, рассматривая его идеалистическую диалектику как один из теоретических источников диалектики материалистической, так и советские лингвисты нашего времени имеют все основания относиться к концепции Потебни как к одному из важных источников лингвистики, стремящейся стать наукой, основанной на принципах диалектического материализма.

Придется еще вернуться к этому, сейчас же отмечу еще одно общее положение: как и всякого другого большого ученого, Потебню надо рассматривать в контексте истории, в контексте его времени, его эпохи. Основные сочинения Потебни создавались в шестидесятые-восьмидесятые годы минувшего столетия, когда, во-первых, были еще живы прямолинейно-логические построения теории языка (отсюда полемика Потебни с Буслаевым), во-вторых, развивались различные пестрые виды психологических концепций языка (Штейнталь и его последователи), и, в-третьих, уже начали давать о себе знать формалистические построения некоторых ранних младограмматиков, объявивших формы языка его душой. Между тем формы языка, при всей их огромной роли в грамматике, только тогда, по убеждению Потебни, могут действительно стать душой языка, когда они рассматриваются во взаимодействии с их же значениями, а не интерпретируются вне подобного взаимодействия, как формы будто бы автономные. У противников Потебни намечалось опасное отождествление двух, совершенно различных философских понятий — понятия формального и понятия формалистического. Без первого наука о языке вообще существовать не может, что же касается второго понятия, то оно характеризует лишь теоретически определенное направление в лингвистике.

Заслуга Потебни в том, что он сумел не только критически отнестись к этому второму направлению, но и увидеть в грамматике прежде всего сложное, далеко не всегда прямое и не всегда очевидное, но всегда глубокое и несомненное взаимодействие форм (в самом широком смысле) и их значений. При этом подобное взаимодействие, как доказывал Потебня, оказывается исторически изменчивым, развивающимся, динамичным. Выдающийся филолог видел в истории сложения грамматики этапы развития человеческой мысли.

Этот же исторический принцип Потебня переносил и на лексику. «В истории языка, — отмечал он, — общего внимания заслуживает, конечно, исследование не звуковой⁷ наружности слов, которое при всей своей важности имеет лишь служебное значение, а мысленного содержания слов, невозможного, не существующего без языка, создаваемого и воспроизводимого вместе с звуковой внешностью слов» («Из записок», т. 3, с. 1). Несмотря на архаичность выражений («наружность слов») этот тезис исследователя сохраняет всю свою силу и в наши дни. Потебня прекрасно понимал роль звуков и в истории языка, и в современном его состоянии, о чем свидетельствует также и его специальная монография на эту же тему [14]. Но в истории слов исследователь стремился обнаружить и проанализировать прежде всего их «мысленное содержание». Выражаясь языком нашего времени, Потебня хотел показать диалектику формы и значения не только в грамматике, но и в лексике — «мысленное содержание слова».

В этом же плане весьма показательна резкая полемика Потебни с ши-

роко известным его современником, английским социологом Гербертом Спенсером. Полемика начинается с первых же страниц третьего тома «Из записок». Г. Спенсер считал, что историю языка нельзя соотносить с историей мышления, ибо подобное соотношение идет «навстречу двойному риску, двойному ряду вводящих в заблуждение причин»: в развитии идей свои трудности и особенности, в развитии слов — другие трудности. Потебня резко возражал Спенсеру. При этом смысл его возражений можно свести к положению: волков бояться — в лес не ходить (ср. «Из записок», т. 3, с. 2).

Эта полемика весьма актуальна и для нашего времени. Разумеется, в истории идей есть свои особенности, которые непосредственно не могут быть объяснены историей соответствующих слов, но есть и различные, многообразные формы взаимодействия между историей идей и историей слов, выражающих эти идеи. На подобное взаимодействие и обращает внимание Потебня в полемике со своими противниками. Нельзя не отметить важности изучения проблемы взаимодействия слов и понятий и для нашего времени. Сама ее сложность не может служить основанием ни для ее отмены, ни для пронических суждений о ее мнимой «старомодности»³.

3

Стремясь глубже осмыслить взаимодействие между языком и мышлением (у Потебни в подобных случаях обычно говорится о языке и мысли), ученый был склонен рассматривать подобное взаимодействие в субъективно-идеалистическом плане. Для Потебни язык — это прежде всего акт индивидуального творчества. «Язык есть средство понимать самого себя» («Мысль», с. 110). Коммуникативная функция языка неправомерно отодвигалась тем самым как бы на второй план. Следовало и другое: «Всякое понимание есть вместе непонимание, всякое согласие в мыслях вместе разногласие» («Мысль», с. 28). Подобная диалектика категорий толковалась в пользу их субъективных «начал». Желая показать силу всякого развитого языка, Потебня отмечал его неповторимость, подобно тому как в его же концепции оказывается неповторимым всякий «акт творчества».

Понимание потому и оказывается одновременно непониманием, что выступает как «акт творчества». Индивидуальный же «акт творчества» не может быть абсолютно одинаковым даже у двух людей. Если «язык есть средство понимать самого себя», то — логический вывод! — он не может быть настолько коммуникативным, чтобы понимание у разных людей было одинаковым. Так диалектика языка и мышления рассматривалась у Потебни не в объективном, а в субъективном плане. Вместе с тем это была диалектика, хотя и истолкованная идеалистически. Язык без выражения мысли (или чувства), как и слово без значения, оказывались у Потебни невозможными, никому не нужными.

Необходимо отметить, что тезис Потебни о «понимании—непонимании» не имеет ничего общего с тезисом многих современных лингвистов о «дву-смысленности языка» — тезисом, который пропагандируется в наше время во многих книгах и статьях [16—19]. Его сторонники видят эту «дву-смысленность» в сакой многоаспектности языка, в наличии синонимов и омонимов, в разнообразных стилистических ресурсах языка, позволяющих людям разными способами выражать свои мысли и чувства. Такие ученые объявляют естественные языки человечества несовершенными «орудиями», которые будто бы необходимо прежде всего упростить, сближить с искусственными кодовыми построениями.

Разумеется, ничего подобного у Потебни не было. Богатство и разнообразие языковых ресурсов не только в лексике, но и в грамматике великий филолог всегда рассматривал со знаком плюс, как достижения человеческой цивилизации. Вместе с тем на язык, «на слово нельзя смотреть как на выражение готовой мысли» («Мысль», с. 142). Живые языки

³ См. об этом, в частности, первую главу моей книги: «История слов в истории общества» [15].

всегда находятся в состоянии развития и движения. Они настолько активны, что и сами способствуют прогрессу человеческих знаний.

Но как же понимал Потебня процесс развития языка? Необходимо отметить, что по этому важнейшему вопросу ученый высказал и обосновал множество интересных и плодотворных мыслей, сохраняющих все свое значение. Эти мысли и суждения особенно актуальны в наши дни, когда многие лингвисты-позитивисты вообще отказываются от понятия *р а з в и т и я* применительно к языкам, предпочитая говорить лишь об изменениях, перестановках, передвижках и т. д., но не о развитии языка и о закономерностях подобного развития ⁴.

А. А. Потебня критикует широко распространенное мнение (его разделяют многие лингвисты и в наше время), согласно которому, уж если и говорить о развитии языков, то следует свести его к движению от конкретных представлений к абстрактным. «Вообще...», — пишет по этому поводу Потебня, — во многих случаях от применения этих двух понятий конкретности и абстрактности нельзя ожидать большой пользы в истории языка. Нельзя охарактеризовать развитие языка его стремлением к отвлеченности, не прибавив, что вместе с тем развивается и его способность изображать конкретные явления» («Из записок», 2, с. 355). И это глубоко справедливо. Трудно себе представить, чтобы тот или иной язык, исторически совершенствуя свои ресурсы для обозначения и выражения абстрактных категорий с помощью грамматики и лексики, вместе с тем утрачивал бы способность обозначать и выражать самые конкретные понятия и самые конкретные категории. А многие историки «первобытного мышления» на протяжении долгого времени именно так ставили вопрос: от конкретного к абстрактному ⁵.

Между тем, следует уметь обнаружить, какими ресурсами располагает один и тот же язык в одну и ту же эпоху для выражения и конкретного, и абстрактного. А на другом этапе развития языка такие ресурсы могут обогатиться, а иногда, наоборот, прийти в упадок, сделаться шаблонными. Здесь, как показал Потебня, имеются различия между новыми и старыми языками Европы и Азии. P P P P

Один из самых элементарных примеров: не располагая абстрактной грамматической категорией числа, тот или иной язык в состоянии передать ее лексически, с помощью простого повторения определяющего слова — *много-много, большой-большой* и т. д. И хотя подобное сравнение опирается на качественно различные категории, оно представляет интерес и для истории языка.

Еще важнее другое: сами понятия конкретного и абстрактного — это исторические понятия. Если не выходить за пределы европейских языков, то можно сказать, например, что неизвестные нам авторы «Песни о Роланде» или «Песни о Сиде» понимали подобные категории во многом иначе, чем их понимают современные авторы. Создатель «Песни о Роланде» не мог, в частности, представить себе красивого, но одновременно несчастного человека, не мог соединить понятие труда и понятие радости, но сравнительно легко объединял труд и наказание. Все это не могло не отразиться на самих категориях абстрактного и конкретного, в частности, в том виде, в каком эти категории выражались в языке (труд вообще, радость вообще, человек вообще). И нельзя не сожалеть, что подобные вопросы и в наше время все еще недостаточно исследованы (ср. [25]) ⁶.

⁴ См. об этом мою книгу «Что такое развитие и совершенствование языка?» [19].

⁵ Из новых работ см. об этом, в частности [20]. Сохраняют свои значения и старые капитальные исследования Л. Леви-Брюля [21] и, особенно, Ф. Боаса [22]. Не так давно советский историк Б. Ф. Поршнев справедливо заметил: «К сожалению, в последнее время наши ученые, пуще огня опасаясь влияния Леви-Брюля и Н. Я. Марра, не ставят вопроса о качественных модификациях второй сигнальной системы» (цитирую по книге [23]). В последние годы ряд статей об «архаическом мышлении» был опубликован в международном журнале «Semiotica» (The Hague—Paris—New York за 1980—1982 годы). См., в частности [24].

⁶ В своем «Завещании» великий скульптор Огюст Роден писал: «Вы, скульпторы, развивайте в себе понимание глубины. Ведь наш разум лишь с трудом воспринимает ее. Он представляет себе явственно только поверхности. Вообразить себе формы в их объемности он не в состоянии. Но именно в этом и заключается ваша задача» [26].

А. А. Потебня был глубоко убежден, что развитие языка — это не его коловращение, не его механическое передвижение от одного состояния к другому с тем, чтобы затем вновь вернуться к старому состоянию, как утверждают и в наше время многие лингвисты-позитивисты. Для Потебни развитие языка — это постоянное, хотя нередко и противоречивое движение вперед, к дальнейшему совершенствованию ресурсов и возможностей каждого языка, прежде всего в его синтаксисе, лексике, фразеологии и стилистике. Потебня был ярким и последовательным сторонником принципа исторического совершенствования языка. Этим обусловлена и его резкая критика работ Шлейхера, согласно которым языки развивались лишь в доисторическое время, после чего они будто бы стали деградировать и разрушаться.

Потебня был убежден, что языки исторически совершенствуются во всех сферах их функционирования. «Прогресс в языке есть явление... несомненное» («Мысль», с. 8). Перефразируя одну из любимых мыслей Потебни, можно сказать, что пресловутая живописность древних языков — это детская игрушка грубого изделия сравнительно с неисчерпаемыми средствами поэтической живописи, какие предлагаются новыми языками поэту и прозаику. Та же картина и в синтаксисе.

Анализируя одно предложение из «Ригведы», которое в буквальном переводе на русский язык строится так — «раздавлены ногами слонами», Потебня проникновенно замечает, что подобное предложение отнюдь «...не бессмысленно: действительно „слонами“ (т. е. их) „ногами“. Только здесь отношение между 2-мя вещами никак не выражено, и они изображены... на одной плоскости, без перспективы. И насколько отсутствие перспективы в живописи древнее ее присутствия, настолько эти паратактические обороты по типу древнее таких, конечно, тоже восходящих в глубокую древность... как „ногами слонов“» («Из записок», 3, с. 209).

К этой мысли Потебня возвращался много раз: сравнение перспективы в синтаксисе с перспективой в живописи при всем различии подобных перспектив вместе с тем интересно и поучительно. Очень тонким оказывается замечание исследователя и о том, что древнее предложение отнюдь не бессмысленно. Речь идет здесь о другом: ресурсы древних языков были иными, чем ресурсы новых языков. При этом ресурсы новых языков оказываются, как правило, многообразнее и тем самым совершеннее сравнительно с ресурсами языков старых. Первые в состоянии точнее передавать синтаксические отношения между словами и мыслями (по Потебне именно так — «словами и мыслями»), чем это имели возможность совершать языки в их более архаическом состоянии.

Эта концепция Потебни уязвима лишь в одном отношении: автор не уточнял хронологических рамок «нового» сравнительно со «старым», новых языков сравнительно со старыми языками. В результате в обширном материале, проанализированном исследователем, оказались примеры из текстов весьма различных эпох. Синтаксическое противопоставление «нового» и «старого» предстает перед читателями в недостаточно расчлененном виде.

И все же сама попытка Потебни обосновать принцип совершенствования языков, прежде всего в сфере их синтаксических ресурсов, должна быть признана выдающейся и весьма актуальной для нашего времени, для исторического языкознания вообще. Дело в том, что даже те исследователи, которым дорога мысль об историческом совершенствовании языков, обычно усматривают подобное совершенствование главным образом в лексике (расширение и обогащение словарного состава языка). При всем значении лексик — это бесспорно! — Потебня ставил проблему шире и глубже; он стремился обосновать з а к о н о м е р н о е, отнюдь не случайное, развитие самой системы языка.

Широко распространено мнение, что «системный характер языка» был впервые обнаружен и обоснован Ф. де Соссюром в 1916 г. в его «Курсе общей лингвистики». Нисколько не умаляя заслуг Соссюра в этом отношении, вместе с тем хотелось бы не забывать здесь и А. А. Потебню, уже в семидесятых годах минувшего столетия, почти за пятьдесят лет до

появления «Курса» Соссюра, анализировавшего язык как систему, предназначенную не только для самовыражения, как ему казалось в молодые годы, но и для выражения мыслей и чувств всех людей, живущих в обществе.

Потебня обычно не употреблял слово *система* в его терминологическом значении, но вот его мысли по поводу «системного характера» языка: «Прежде созданное в языке двойко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново... частью же изменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового» («Из записок», 2, с. 125). «Новое» не только и не столько прибавляется к языку (количественный подход), сколько присоединяясь, изменяет «старое» и в конце концов даже в состоянии «перестроить» это «старое» (учет качественных изменений в языке). К этой мысли Потебня возвращался неоднократно: «В живых языках разрушение старого есть вместе создание нового» (там же, с. 534). Зависимость одних категорий в грамматике от других ее же категорий прекрасно понимал Потебня. Он иллюстрировал подобную зависимость, в частности, с помощью анализа взаимодействия падежей и их значений в истории славянских имен существительных, особенно в истории различных значений творительного падежа (там же, с. 443—533).

Проблема не сводится к тому, какие лингвисты в прошлом употребляли слово *система* или слово *структура*, а какие их не употребляли. Проблема в другом: как лингвисты определенного теоретического направления понимали грамматику языка, его грамматические ресурсы. Лишь на этой основе можно заключить, какова была общая теоретическая концепция того или иного ученого, кредо того или иного научного направления. Как утверждают специалисты, слово *система* было «ключевым словом» (*mot-clé*) у французских грамматистов уже в XVIII столетии [27]⁷. Разумеется, однако, они понимали это слово совсем не так, как его истолковывал в нашем веке, например, тот же Соссюр. В свою очередь между Соссюром и Ельмслевом оказывается целая пропасть в интерпретации *системы* и т. д.

Потебня избегал деклараций на тему о «системном характере» языка, но выводил и обосновывал систему самым анализом конкретного грамматического материала русского и других индоевропейских языков.

4.

Вернемся, однако, к грамматическим идеям и грамматическим анализам А. А. Потебни. Ученый был убежден, что историческая грамматика русского и других индоевропейских языков в значительной степени определяется общим «движением языков» от субстанции к глагольности, от номинативных к предикативным конструкциям. Принцип «роста глагольности» не был доказан исследователем и неоднократно критиковался многими грамматистами, в том числе А. А. Шахматовым и В. В. Виноградовым. Дело в том, что грамматика на любом этапе развития языка так или иначе опирается на понятие субстанции, как она же опирается на понятие глагольности и предикативности. Здесь развитие приводит не к вытеснению одной из этих категорий, а к изменению форм и средств выражения обеих категорий. Вместе с тем приемы и методы анализа грамматических категорий, предложенные Потебней, весьма интересны и весьма поучительны⁸.

Что наиболее характерно для них?

Вот Потебня анализирует грамматическую категорию, известную под названием бахуврихи (санскр. bahuvrīhi) — сложное слово со значением

⁷ Как тут не вспомнить старую рекомендацию философа И. Фихте, относящуюся к 1794 году: «Ученый должен быть знаком в своей науке с тем, что уже было сделано до него» [28]

⁸ О возникновении самого понятия субстанции см.: Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции (СПб., 1912), где читаем: «Логическая идея субстанции стоит вообще во главе научного рассмотрения мира» (с. 199).

принадлежности, обладания, типа *круторогий*, т. е. имеющий крутые рога (ср. *синеглазый*, *широкоплечий* и т. д.). Исследователь стремится проникнуть в существо подобных образований, известных в разных индоевропейских языках (старых и новых), определить их отличие от «обычных» определений, выраженных, в частности, с помощью «обычных» прилагательных (*синие глаза*, *широкие плечи*). Потебня сравнивает *золоторог* и *суходол*. Первое допускает такое толкование: «тур с золотыми рогами», тогда как второе — *суходол* — подобного толкования не допускает (невозможно «бор с суходолом»). Второе означает: *бар*, который вместе с тем и *суходол*. Таковы же отношения в «дуб *стародуб*» (исключается «дуб *со стародубом*»), «утка *водоплавка*» (исключается конструкция «утка *с водоплавкой*»). Потебню не устраивает простая констатация различий. Он всегда стремится к интерпретации, к объяснению, к осмыслению.

В данном случае устанавливается, что бахуврихи не тождественно простому определению. Это особая разновидность определения. Бахуврихи обычно относятся лишь к части определяемого предмета или понятия: «золоторог» — это тур, у которого золотые рога (следовательно, часть тура), тогда как «утка водоплавка» — это сама утка, а не ее часть («Из записок», 3, с. 202). Так, в казалось бы сходных построениях Потебня устанавливает важные различия, формирующие «душу» грамматики не только в разных языках, но и на разных этапах развития одного и того же языка.

В другой связи следует общее важное заключение «Изучать язык — значит различать сходные явления, а не сваливать их в кучу» («Из записок», 4, с. 189). Позднее это важное для естественных языков человечества положение любил отмечать и А. М. Пешковский: «Все дело в этих „почти“ и „как бы“, на которых зиждется вся грамматика» (обратим внимания на в с я) [29].

Потебня проникновенно анализировал соотношение грамматики и лексики в грамматических категориях прежде всего русского языка. Сосредоточим внимание на разделе о творительном падеже, внутри которого исследователь выделял такие его разновидности, как творительный орудия, времени, места, образа действия, причины и некоторые другие («Из записок», 2, с. 443—533). Здесь возникал, однако, и нелегкий вопрос о том, до какого предела допустимо дробить, казалось бы, одну и ту же категорию (в данном случае — категорию творительного падежа) на ее «подкатегории» или разновидности. Не получится ли так, что бесконечное дробление приведет здесь к уничтожению грамматики с ее обобщающими возможностями, приведет к тому, что в каждом отдельном употреблении окажется особая категория? Но тогда чем же грамматика должна отличаться от лексики? Что и как должна обобщать грамматика уже на ранних этапах развития того или иного языка?

Потебня стремится ответить на эти вопросы в том же разделе о творительном падеже. Если сравнить такие два предложения, как, например, «Он известил меня *письмом*» и «*Доблестью* солдат отечество спасено», то нельзя не заметить, что один и тот же творительный падеж в двух предложениях выступает в двух из ряда возможных своих разновидностях: в орудийном (п о с р е д с т в о м, с помощью письма) и причинном (п о п р и ч и н е, вследствие доблести солдат). Так лексика взаимодействует с грамматикой или, точнее, — лексическая семантика взаимодействует с семантикой грамматической. Но проблема не решается всегда так просто. Когда, например, в «Слове о полку Игореве» сообщается, что Всеслав «скакнул *волком*», то определить разновидность подобного творительного падежа уже гораздо труднее: это может быть и творительный сравнения («скакнул *как* волк») и творительный превращения, если автор этого памятника двенадцатого века допускал возможность превращения человека в волка.

На примерах такого рода Потебня иллюстрировал возможность воздействия мировоззрения людей определенной эпохи на грамматику их языка: в одних случаях разграничение творительного сравнения и творительного превращения

тельного превращения оказывается как бы на поверхности языка, в других — подобное разграничение может быть осмыслено только исторически, с учетом референции, с учетом отношений людей к действительности. И недаром Потебня в полемике с Буслаевым защищал принцип взаимодействия языка и культуры: «...мы думаем, — писал он, — что нет противоположности в развитии культуры и языка» («Из записок», 1, с. 53).

Возвращаясь к проблеме дробления той или иной грамматической категории на ее «подкатегории» или разновидности, следует отметить, что Потебня отлично понимал пределы подобного дробления: они обусловлены не только характером данной категории и уровнем ее исторического развития, но и степенью ее же обобщающей силы — в одних случаях большей, в других — меньшей⁹. К сожалению, А. А. Потебня еще не проводил строгого разграничения между грамматическим и лексическим значениями. Между тем подобное разграничение имеет первостепенное значение для теории языка вообще, для понимания взаимодействия лексики и грамматики — в частности и в особенности.

Стремясь показать неповторимость каждого национального языка, Потебня резко критиковал логическое направление в изучении грамматики, которое, как ему казалось, совсем не считается с подобной неповторимостью. Проблема взаимодействия грамматики и логики относится, как известно, к вечным проблемам науки о языке. Она возникла и продолжает возникать на всех этапах развития лингвистики. Острые дебаты вокруг этой проблемы велись и в эпоху Потебни. В первых двух томах своих «Из записок» исследователь был склонен отрицать самый факт подобного взаимодействия на том основании, что «вообще ни один язык не может быть указанием, где другому языку нужно два приема мысли, а где один» («Из записок», 2, с. 141). Увлекаясь тонким анализом подобных различий между языками, Потебня как бы не замечал, что он сам начинает признавать наличие постоянного взаимодействия грамматики и логики: ведь само различие между языками во многом определяется, по его же словам, несхождением «приемов мысли». А «приемы мысли» имеют, как известно, определенное логическое построение. И хотя взаимодействие языка и мышления шире взаимодействия языка и логики, постоянный интерес Потебни к первому из этих типов взаимодействия невольно предполагал и даже опирался и на второй тип взаимодействия.

Не случайно поэтому в последующих томах своих «Из записок» Потебня все больше и больше начинает учитывать оба эти типа взаимодействия.

Вот один из примеров. Автор анализирует предложение русской народной речи типа «А зовут его *Власком, Иванов сын*» («Из записок», 3, с. 262) и комментирует: «Первоначальное возникновение этого несогласования можно представить себе как сделку между двумя актами мысли: мыслью „заднюю“, предыдущую, с согласованием в именительн.: „Михайло Казарянин“, и мыслью последующую, которая преобразует определяемое, согласно с новыми своими требованиями, но не в силах подчинить тому же плану определительное: „зовут меня *Михайлою Казарянин*“...Для нас...возможно только: „зовут Михайло К-а-н“ или зовут Михайлою Козном“ («Из записок», 3, с. 263). Здесь, как видим, тонкий грамматико-семантический анализ предложений нисколько не мешает учету логического фона этих же предложений. Потебня был убежден, что согласование или несогласование внутри структуры предложения непосредственно обусловлено оттенками выражаемых человеком мыслей и чувств.

Справедливо отмечая национальное своеобразие каждого языка, Потебня, однако, несколько односторонне толковал подобное своеобразие. Тезис о неповторимости каждого языка приводил исследователя к ошибочному утверждению о невозможности перевода с одного языка на другой, к нежеланию видеть в языках мира немало интернациональных тенденций, сближающих языки. В 1895 г. посмертно была опубликована статья Потебни «Язык и народность», в которой наряду с яркой защитой

⁹ Собранные позднее материалы о творительном падеже см. в сборнике [30] Обзор самых различных «падежных теорий» дан в книгах [31—32].

роли языка в культуре народа «общечеловеческие свойства языков» сводились лишь к принципу их «членораздельности». Все остальное в «общечеловеческом языке» неправомерно рассматривалось как процесс «понижения мысли» [33].

Хотя в освещении вопроса о соотношении общих национальных и интернациональных тенденций в языках мира Потебня был не совсем точен, однако его призыв изучать все тонкости и все многообразие каждого национального языка имел и имеет в наши дни большое прогрессивное значение. Об этом призыве следует помнить прежде всего тем современным лингвистам, которые стремятся «подогнать» национальные языки к искусственным кодовым построениям. Между тем понятие национального языка и понятие искусственного языка — это принципиально, качественно разные понятия. И Потебня был прав, видя в каждом национальном языке прежде всего выражение духовного богатства данного народа ¹⁰.

5.

Как мы знаем, в центре основного большого исследования Потебни («Из записок») оказался вопрос о соотношении между словом и предложением, шире — между лексикой и грамматикой, а точнее — между лексикой и синтаксисом. Уже было замечено, что третий том «Из записок» — это скорее история слов, чем история предложений [34]. На мой взгляд, это не столько история слов, сколько история взаимоотношений между словами и предложениями, стремление в процессе исследования материала показать, в какой мере семантика слов влияет на конструкции предложений, а конструкции в свою очередь воздействуют на семантические возможности и ресурсы тех или иных слов.

Но здесь Потебня, показав образцы тонких анализов, вместе с тем столкнулся с серьезными теоретическими трудностями, преодолеть которые до конца он так и не сумел. Этому помешала его концепция, согласно которой язык — это прежде всего «акт творчества». Таким же творчеством является и слово. Поэтому всякий раз, когда оно произносится или пишется, оно должно быть однозначным. По мнению Потебни, разные значения одного и того же слова в действительности являются разными словами («Из записок», 1, с. 3).

Потебне казалось, что он решил проблему полисемии, объявив каждое из значений многозначного слова особым, самостоятельным словом. Но здесь возникала лишь видимость решения вопроса. В действительности подобное решение стало противоречить другим идеям Потебни, согласно которым слова в процессе развития языка стремятся ко все большему и большему обобщениям, одновременно сохраняя свою способность обозначать самые конкретные предметы и явления. Исследователь был убежден, что слова, как и язык в целом, не просто выражают мысли и чувства, но в процессе подобного выражения сами способствуют их же формированию и уточнению («Мысль», с. 130). «На слово, — настаивает Потебня, — нельзя смотреть как на выражение готовой мысли» («Мысль», с. 142). Оно непрерывно развивается и совершенствуется. Поэтому, противореча первому своему утверждению (отрицанию полисемии), Потебня заявляет. «...одно слово, совершенно согласно с требованиями языка, может обозначать предметы разнородные» («Мысль», с. 78). И действительно весь третий том «Из записок» посвящен истории сложения многозначных слов в разных индоевропейских языках.

Чем объяснить противоречивость позиций Потебни в истолковании полисемии?

На мой взгляд, эту противоречивость можно истолковать так. С одной стороны, исследователь считал, что в каждом контексте слово неповторимо, оно выступает как «акт творчества», а с другой — он же усматривал непрерывное развитие языка во всех его сферах. Первое положение («акт

¹⁰ Сказанное несколько не умаляет значения (для определенных целей) кодовых языков. Сам принцип их построения заслуживает дальнейшего обсуждения.

творчества») приводило Потебню к отрицанию полисемии, а второе положение («непрерывное развитие» всякого живого языка) как бы убеждало ученого в противоположном: развиваясь, слова «обрастают» все новыми и новыми значениями и оттенками значений, они становятся тем самым полисемантическими. К тому же занятия поэтикой убеждали ученого в том, какую громадную роль играет лексическая и грамматическая полисемия в самом процессе формирования метафор, метонимий, сравнений, пословиц и т. д.¹¹

Потебня считал, что образность многих слов первичнее, древнее их же безобразности. Образность обусловлена чувственным происхождением языка, его связью с окружающим людей миром, тогда как безобразность — это, по словам исследователя, «временный покой мысли»: слова теряют свою внутреннюю форму, свою первоначальную мотивировку [9, с. 203 — 204]. Вместе с тем, став безобразным, слово на новом этапе развития языка вновь может приобрести образность, в особенности в языке поэзии. Но подобная вторичная образность будет уже к а ч е с т в е н н о и н о й по сравнению с образностью первичной. Умение рассматривать состояние покоя в языке как явление временное, а состояние развития как явление постоянное, самое существенное, говорит о том, как близко подходил Потебня к диалектике гегелевского типа, хотя никогда и не цитировал самого Гегеля.

По совсем другому поводу в «Диалектике природы» Ф. Энгельс отмечал, что он высоко ценит Гегеля, в частности и за то, что немецкий философ умел рассматривать явление притяжения как вторичный момент сравнительно с явлением отталкивания как моментом первичным¹². Движение и развитие абсолютны, покой относителен. Потебня переносил это положение и на язык, и на науку о языке, которой следует заниматься языком в его непрерывном движении и развитии.

В отечественном языкознании минувшего века Потебня больше всего сделал для разработки проблемы взаимоотношения между языком и мышлением. Чем бы ни занимался Потебня — а круг его интересов был весьма широк — проблема значения всегда была в центре его научных интересов. Уже в двадцатые годы нашего века стало ясно, что Потебня и его последователи прокладывали иные пути в науке о языке сравнительно с теми, которые стремились заложить Фортунатов и его сторонники. Они считали, что А. А. Потебня занимается изучением мышления, а не языка, тогда как он, Фортунатов, исследует язык, а не мышление¹³. Последующая история советского языкознания подтвердила, что те ученые, которым были дороги в первую очередь проблемы языка и мышления, языка и общества, языка и культуры, искали опору прежде всего в сочинениях классиков марксистско-ленинской мысли, а затем и у Потебни, те же ученые, которые стремились лишь к описанию формальных свойств разных языков, пытались найти опору прежде всего у Ф. Ф. Фортунатова и у его единомышленников. Вместе тем, сам Фортунатов остается значительной фигурой в истории языкознания.

К сожалению, исследования А. А. Потебни сравнительно мало известны за пределами нашей страны, хотя библиография его работ и литературы о нем уже к 1974 году составила свыше 600 наименований [36]. У этого замечательного филолога и мыслителя есть чему поучиться и в наше время. Потебня строил свою теорию на основе тщательно изученного большого материала. Как я уже отметил, у него нет теории, с одной стороны, и материала — с другой. Он предстает перед своими читателями в единстве теории и материала. Исследователь как бы говорит читателям: «Не верите мне, так вот я докажу вам свою правоту с помощью анализа материала». И подобный анализ обычно бывает у Потебни тонким, а нередко и проникновенным.

¹¹ См. посмертно опубликованную книгу А. А. Потебни [9].

¹² «Гегель гениален даже в том, что он выводит притяжение как вторичный момент от отталкивания как первичного...» [35].

¹³ Об этом писал, в частности, Т. Райнов уже в 1924 г. (см. [6, с. 101]).

А. А. Потебня стремился обнаружить причинную связь явлений в развитии каждого языка, которым он занимался. Исследователь никогда не согласился бы с будущим автором «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейном, заявившим, что «вера в причинную связь» явлений — это предрассудок [37]. Потебня же не представлял себе лингвистики, в которой поиски причинной связи между разными процессами, происходящими в языке, не находились бы в центре самой науки о языке.

Потебня любил филологию и был ей глубоко предан. Уже было справедливо отмечено: «Для всего стиля Потебни характерна какая-то особая, пронизанная моральным чувством, серьезность» [38]¹⁴. Потебня отличался большой скромностью. Достаточно еще раз напомнить, что его основное капитальное четырехтомное исследование именуется «Из записок по русской грамматике». Вместе с тем, когда брались под сомнение идеи, дорогие ему как исследователю, Потебня умел резко и прямо отвечать своим оппонентам.

В книгах А. А. Потебни современные читатели находят: 1) широкое понимание филологии и попытку сблизить науку о языке с наукой о культуре; 2) умение глубоко анализировать различные языковые категории во взаимодействии с их же значениями; 3) стремление обосновать процесс исторического развития и совершенствования живых языков человечества с учетом сложности и непрямолинейности самого этого процесса; 4) понимание моральной ответственности ученого за идеи, которые он обосновывает и пропагандирует.

А. А. Потебня — яркая и самобытная фигура в истории отечественной и мировой филологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Потебня как языковед-мыслитель. — Киевская старина, 1893, т. 42, июль, с. 30—46; авг., с. 269—289; сент., с. 342—360.
2. Харцьев В. И. Новый труд по истории языка и мысли А. А. Потебни. — Труды педагогического отдела Харьковского историко-филологического общества, 1899 вып. 5.
3. Горький М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. М., 1955, т. 29, с. 226.
4. Тынянов Ю. Н. Поэтика. Историка литературы. Кино. М., 1977, с. 167.
5. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания. Петроград, 1923, с. 171.
6. Райнов Т. Александр Афанасьевич Потебня. Петроград, 1924.
7. Погодин А. Л. Язык как творчество. Харьков, 1913, с. 2.
8. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 330—345.
9. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
10. Потебня А. А. Мысль и язык. 5-е изд. Харьков, 1926.
11. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
12. Академические школы в русском литературоведении. Гл. IV. М., 1975, с. 300—354.
13. Пресняков О. П. А. А. Потебня и русское литературоведение конца XIX — начала XX века. Саратов, 1978.
14. Потебня А. К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876.
15. Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971.
16. Kooij J. Ambiguity in natural language. Amsterdam, 1971.
17. Scheffler J. A philosophical inquiry into ambiguity. London, 1980.
18. Kess J., Hoppe R. Ambiguity in psycholinguistics. Amsterdam, 1981.
19. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977.
20. Suret-Canale J. Lewis Morgan et l'anthropologie moderne. — La Pensée, 1973, № 171.
21. Лейб-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
22. Боас Ф. Ум первобытного человека. М. — Л., 1926.
23. Анисимов А. Ф. Исторические особенности первобытного мышления. Л., 1971, с. 9.
24. Kendon A. Geography of gesture. — Semiotica, 1980, № 1/2.
25. Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М., 1972, с. 192 и сл.
26. Вейс Д. Огюст Роден. М., 1969, с. 557.
27. Arrivé M. et Chevalier J. La grammaire. Lectures. Paris, 1970, p. 66.
28. Фухте И. О назначении ученого. М., 1935, с. 109.

¹⁴ Из новых работ о Потебне можно назвать спорную статью С. Д. Кацнельсона (автор, на мой взгляд, неправомочно оперирует так называемым «речевым мышлением», будто бы отличным от обычного «человеческого мышления») в коллективном сборнике [39]. Но яркой и интересной представляется мне другая, ранняя публикация того же автора [40].

29. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938, с. 132.
30. *Творительный падеж в славянских языках.* М., 1958.
31. *Anderson J.* On case grammar. London, 1977.
32. *Serbat G.* Cas et fonctions. Paris, 1981.
33. *Потебня А. А.* Язык и народность.— Вестник Европы, 1895, т. V, с. 10—11.
34. *Грунский Н. К.* Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Вып. 3. Юрьев, 1911, с. 47.
35. *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 559.
36. *Франчук В. Ю.* Олександр Опанасович Потебня. Київ, 1975, с. 35—39.
37. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958, с. 101.
38. *Булаховский Л. А.* Александр Афанасьевич Потебня. Киев, 1952, с. 33.
39. *Кацнельсон С. Д.* Теоретико-грамматическая концепция А. А. Потебни.— В кн.: Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985.
40. *Кацнельсон С. Д.* К вопросу о стадийности в учении Потебни.— ИАН ОЛЯ, 1948, вып. 1.